

О ДРЕВНЕРУССКИХ ИСТОЧНИКАХ ЛЕГЕНДАРНОЙ ЧАСТИ ЛЕТОПИСЕЙ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Н. А. Морозова

Легендарное сказание о римском происхождении великих князей Литовских („Хроника великих князей Литовских“) сохранилась в списках Сложного и Полного сводов летописей Великого княжества Литовского (далее – ВкЛ). В литературе, посвященной летописанию ВкЛ, рассматриваются идеологические и политические причины появления теории (нужна была теория, доказывающая более древнее, по сравнению с польской, происхождение литовской знати), а также возможные ее источники (Jakubovskis, 1921; Zachara-Wawrzyniak, 1963, в. 5-36; Jučas, 1968, p. 49-70; Улащик, 1985, с. 130-173). По мнению М. Ючас, теория римского происхождения великих князей Литовских является своеобразным вариантом легенды о призвании варяжских князей на Русь; он добавляет при этом, что в английских и французских средневековых хрониках также есть легенды об иностранном происхождении правящей верхушки. Говоря о возрождении старой литовской культуры, М. Ючас рассматривает ее связи с римской культурой, отмечает влияние западной историографической традиции на летописание ВкЛ в целом (Jučas, 1968, p. 56-57).

В Чемерицкий считает, что непосредственными источниками легендарного сказания летописей ВкЛ были памятники древнерусской письменности: Киевская летопись (из нее взяты известия о Полоцке), Галицко-Волынская летопись (из нее заимствованы некоторые имена литовских князей, а также топонимы), „Житие Евфросинии Полоцкой“ (повествование о полоцкой княжне-монахини) (Чемерицкий, 1982, с. 12). Он высказывает предположение, что „Повесть временных лет“ могла быть литературной моделью и для создателя „Хроники великих князей Литовских“, поскольку, по его мнению, „Повесть временных лет“ и Галицко-Волынская летопись являются общим источником и образцом для всех летописей ВкЛ (там же, с. 13). Однако В. Чемерицкий не приводит каких-либо текстовых подтверждений своим предположениям.

Таким образом, проблема источников „Хроники...“ глубоко не изучена. Не претендуя на исчерпывающее решение проблемы, полагаем, что текстовый анализ этой части летописей ВкЛ позволяет во многом прояснить эту проблему.

Теоретической предпосылкой наших рассуждений является следующее: 1) создание легенд об иностранном происхождении династий уже ко времени создания Сложного свода летописей ВкЛ

имело довольно длительную историко-литературную традицию (см., напр.: *Zachare-Wawrzyniuk*, 1963, в. 5-36), поэтому создателю очередной легенды не нужно изобретать что-то абсолютно новое, достаточно использовать старую, уже имеющуюся модель и наполнить ее новым содержанием; 2) содержание легенды – выбор далеких предков – зависит от социального заказа; 3) собственно литературная обработка легенды и ее конечный литературный облик, очевидно, обусловлен во многом литературным процессом данной эпохи и существующей литературно-письменной традицией, а также литературными способностями ее автора.

Известно, что первые варианты легенды о римском (латинском) происхождении литовских князей появились в западных хрониках. Ян Длугош пишет о том, что он не нашел сведений о происхождении литовцев в исторических источниках, однако общность языка и языческой обрядовой культуры литовцев и латинян позволяют ему предположить, что литовцы могли произойти от одной из латинских ветвей. Название „Литва” он объясняет через латинское *Italia*, которое приносилось итальянцами с придыханием – *L'Italia>Litaila*. Собственно „Литва” – это более поздний польский или русский вариант от *Litalia*. Согласно Я. Длугошу, переселенцы во главе с князем Вилли основали свою столицу и назвали ее по имени князя Вильно, по имени князя названы реки Вилия и Вильяна (*Dlugosz*, 1868, t. III, кн. IX-X, в. 442-447).

По мнению немецкого хрониста Дюсбурга, прусы и литовцы произошли от рода римского князя Прусаша, жившего в городе Ромове. У позднего Длугоша также находим сведения о князе Прусаше и его столице Ромове.

В летописях ВкЛ сообщается о прибытии в Прибалтийские земли 500 семей римской знати во главе с князем Палемоном, которые таким образом спаслись от жестокости своего императора Нерона (в Хронике Быховца – Атилы). Они нашли „место слушное, где бысть мели доселити а мешкати с покоем” (ПСРЛ, т. 35, с. 128) на территории современной Жемайтии. У Палемона были сыновья Борк, Кунас и Спера, которые поселились в трех разных городах. Борк и Спера умерли „без плоду”, поэтому родоначальником династии литовских князей стал второй сын Палемона – Кунас. Далее летописец сообщает о трех ветвях великокняжеского рода – Жемойтско-Литовской, Полоцкой и Новогрудской; первые две ветви быстро угасают, остается лишь Новогрудская, подчинившая себе две первых. Таким образом, возникает ВкЛ со столицей в Новогруде. Новогрудская ветвь доводится в Хронике Быховца до Миндаугаса.

Как видим, варианты легенды западных хронистов и летописи ВкЛ никак не соотносятся друг с другом. Возможно, западные варианты легенды вообще не были известны автору летописной легенды, не исключено, что не знал он и самих западных хроник.

Как известно, начальные сведения „Повести временных лет” озаглавлены „откуда есть пошла руская земля”. В них летописец пытается осмыслить историческое прошлое Киевского государства, найти его исторические корни, используя предания Ветхого завета. „Обращение к Библии достигалось включение славян в общенародную семью народов, утверждался их равноправный с другими народами статус” (Шайкин, 1989, с. 13). И. Еремин пишет, что автор „Повести временных лет”, излагая известные ему предания о начале русской земли, следовал готовой историкографической схеме, подсказанной византийскими хрониками (Еремин, 1966, с. 55). Можно считать, что рассказ о доисторическом прошлом являлся обязательным структурным элементом общегосударственной летописи.

Легендарную часть летописей ВкЛ Сложной и Полной редакции, где идет речь о происхождении ВкЛ, вполне можно назвать „откуда есть пошла литовская земля”. Отметим, что начальная часть „Повести...” так же, как и летописи ВкЛ, представляет собой прагматически связанное повествование, не имеющие дат.

Текстологическое сравнение отрывков летописей позволяет говорить и о внутреннем, семантическом параллелизме обоих сказаний. Так, согласно „Повести...”, история славян начинается с того момента, как сыновья Ноя после Всемирного потопа поделили между собой землю, и каждый из сыновей Ноя стал прародителем народов, которые жили на тех территориях. Прародителем славян летописцы считают Иафета. Происхождение славянского языка (имеется в виду, очевидно, старославянский язык) киевский летописец связывает с расселением „языков” после Вавилонского столпотворения.

Автор „Хроники...” относит начало „Литовской земли” ко временам римского императора Нерона (I в. н.э.), а появление давних легендарных предков литовцев в Неманском крае связывает с переселением 500 семей римской знати во главе в князем Палемоном в „месцо слушное”.

Итак, и в первом и во втором сказании присутствует семантический элемент „переселения”.

Путь „из Варяг в Греки”, описанный в „Повести...”, структурно соотносится с путем Палемона и его спутников в Прибалтийские земли, что наглядно видно по следующим отрывкам:

„Повесть...”

Полянъм не жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь из Варягъ въ Гръки и изъ Гръкъ по Днѣпру и вверхъ Днѣпра валокъ до Ловоти, и по Ловоти внити в Ълмень озеро великое,

Летопись Красинского

А так они не малыи час по морю ходечи, пришли Межи-земского моря и дошли до реки до Шума и тою рекою Шумою в море окиян, и морем окияном дошли до устя, идее река Немон

из негр же озера потечеть Волховъ и вѣтчеть в озеро великое Нево, и того озера видеть устье в Море Варяжское. И по тому морю ити до Рима, а от Рима прити к тому же морю ко Царюграду, а от Царюграда прити в Понть море, в не же втчет Днѣпръ река. Днѣпръ бо потече из Оковскаго лѣса, и потечеть на полъдне, а Двина ис того же лѣса потечет, а идеть на полунощъ и видеть в море Варяжское. Ис того же лѣса потече Волга на вѣстокъ, и вѣтчеть семьюдесять жерель в море Хвалиское. Тѣм же и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, на вѣстокъ дойти въ жребии Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова (ПВЛ, с. 11-12).

Далее „Повесть...“ сообщает о призвании на Русь варяжских князей, положивших начало русскому княжескому роду: „И избращася 3 братья с роды своими, пойдша по собѣ всю русь, и придоша; старшии, Рюрикъ, съде Новѣгородѣ, а другии, Синеусъ, на Бѣлѣзеръ, а третии Изборьствъ, Труворъ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля <...> По двою же лѣту Синеусъ умре и брать его Труворъ. И приа власть Рюрикъ, и раздая мужемъ своимъ грады; овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро“ (ПВЛ, с. 18).

В легендарной части летописей ВКЛ нет указания на призвание князей. Палемон и его спутники приплывают в литовские земли, спасаясь от жестокости своего императора. Однако в дальнейшем типологическое сходство сказаний не вызывает сомнений, ср.: „А потом вышереченное княже Палемон вродил трех сынов: старшии Боркг, другиий Кунас, третии Спера. Старшии же сын, Боркг, вчинил город на Юре реце, и зложено имя того княжати послепе з рекою, иж имя реце Юра, а княжати Борг, и назвал тот город Юрборк. А середнии сын, Кунас, пришол на устье реки Неважи, игде она впадаетъ в Немон, и вчинил тут город и назвал его именем своим, Кунасов город. А третии сын, Спера, пошол далеи в пуци к восходу слюнца <...> и нашол озеро, луками и розмаитым деревом окрашено, где ж то полюбивши над тым озером поселился, и тое озеро именем своим назвал. И пановал много лет, а потом змерл без плоду По ма-

впадает в море окиян. Потом пошли Немном у верх, аж в море, зовемое Малое, которое называется море Немновое, а с тое причины тое море Немновое называется ижъ в тое море впадает Немон дванадцатми устью и каждое зовется своим именем Скиля. И пошли тым устьем уверх, и дошли цѣлого Немона, где вжо он сам во одном месци течеть весь, а у верх Немном дошли до реки Дубисы, где ж вшедши в тую реку Дубису, и над нею нашли горы высокие... (ПСРЛ, т. 35, с. 128).

лых сасех брат его Боркг, который мешкал на Юрборку, вмер не маючи дегети, ино брат его Кунас возьмет и тую часть брата своего Борка и город Юрборк, и тою частью его будеть и город Юрборк пановати" (ПСРЛ, т. 35, с. 128-129).

Как видим, в летописи ВкЛ так же, как и в „Повести...“, говорится о трех братьях – сыновьях Палемона – Борке, Кунасе и Спере, которые поселились в трех разных городах. Как и в „Повести...“, двое (Борк и Спера) умирают „без плоду“, остается только один князь Кунас (в „Повести...“ – Рюрик), от которого, собственно, и начинается генеалогия князей. Не описывая дальнейшей генеалогии литовских князей (см., напр.: Улащик, 1985, с. 139-146), отметим лишь, что в летописях ВкЛ „тройственность“ ветвей некоторое время сохраняется, но до времен исторического Миндаугаса доводится только одна ветвь – Новогрудская. Заметим, что название землян дают даже пришельцы: „И отъ тѣхъ варягъ прозвася руская земля“ (ПВЛ, с. 18) – „... и назвали тую землю словенскимъ языкомъ – Побережная земля, а литовскимъ языкомъ назвали Жемоитская земля“ (ПСРЛ, т. 35, с. 128).

Традиция строительства поселений – „городов“ – „на горе“ летописцами ВкЛ заимствована, скорее всего, также из древнерусских летописей.

Таким образом, можно считать, что „Повесть...“ является структурно-семантической моделью, своеобразным каркасом, готовой схемой, которую автор легендарной части летописей ВкЛ наполняет другим содержанием.

Но автор „Хроники...“ берет не только готовую схему, но и заимствует традиционную летописную фразеологию. Т. Сушицкий указывает на зависимость стиля летописей ВкЛ от стиля Галицко-Волынской летописи, с одной стороны, и от стиля документов княжеской канцелярии, с другой стороны (Сушицкий, 1930, с. 185-190, 362-404). Наши наблюдения над стилем легендарной части летописей ВкЛ показывают, что в ней используется не только летописная фразеология, но и материалы других произведений древнерусской исторической прозы и прежде всего переводных воинских повестей: „Троянской истории“ и „Александрый“, широкоизвестных на территории ВкЛ в составе „Хронографов“. Так, сообщение летописей о строительстве нового города на понравившемся месте созвучно с подобным описанием в „Троянской истории“, ср.: в летописи: „И прошод реку Святую вышел и нашол место велми хорошо, и сподобалося ему тое местцо велми, и там он поселился и назвал тое местце именем сына своего Кернуса, Керново...“ (ПСРЛ, т. 35, с. 129); „... и над нею нашли горы высокие, и на оных горах ровнины великие и дубровы роскошныя и розмантое офитости наполненных розного рожая зверей ..., рыб непосполитых <...>, та ся поселили <...> и оно мешканье их над тыми реками велми им сподобалося“ (ПСРЛ, т. 35,

с. 128) ~ в „Троянской историпи: „Бяше в первая времена царь нѣкин именемъ Пришедь. И в нѣкин день бывшу ему в ловѣ в нѣкомъ в морскомъ отоцѣ, у него же отъ единыя страны течаше великое море, а отъ другия страны Скомандра река, а отъ третия страны Пелешино море, а отъ четвертыя страны стояше дуть Дудома, а отъ пятая страны юдоль, идеже растяху дровие и цѣвѣя многоразличныя. Видѣвъ же царь доброту мѣста и зачатъ здати градъ во имя свое и послѣ живота своего повелѣ сыну своему здати” (ПСРЛ, т. 22-2, с. 37). Примеры сообщений о заложении города в свою честь находим и в „Александрии” сербской редакции: „Алеѣандръ со всѣмъ войскомъ своимъ македонскимъ въ новыхъ корабляхъ приплыли к египтѣ за вѣ. днѣи и гдѣ ниль рѣка въ море втекаетъ и тѣт алеѣандръ со всѣмъ войскомъ своимъ сталъ, и заложилъ городъ, и нарекъ има емѣ алеѣандреа, мѣсто велми великое. И селевкшъ со всѣмъ войскомъ своимъ приплыль под киликию, и тѣт городъ свои поставилъ, нарекъ има емѣ селевкиа” (Александрия, с. 184).

Однако автор легендарной части превращает стилистические средства своих источников в литературные штампы, т.к. однажды найденное и использованное в определенном контексте выражение затем употребляется механически, по инерции (см. примеры использования характеристик пейзажа, описание боев, языческой традиции ставить идола в честь любимого князя и др. у Т. Сушицкий (1930, с. 362-404). Очевидно, литературная сторона легенды мало интересовала ее создателя.

Таким образом, имеются всекие основания считать, что легендарная часть летописей ВкЛ тесно связана с древнерусской летописной традицией. В „Хронике...” присутствуют основные структурные элементы, необходимые для произведения этого жанра. Само появление легенды в составе летописи – это также дань традиции древнерусского летописания. Сравнение структуры легенды и начальных сведений „Повести...” показывает, что „Повесть...” явилась структурной моделью „Хроники...”. Стилистическая структура памятника также указывает на преемственность летописания ВкЛ с древнерусским летописанием. Все это дает основания полагать, что легендарная часть летописей ВкЛ создана под воздействием древнерусской, а не западно-европейской историографической и литературно-письменной традиции.

ON OLD RUSSIAN SOURCES OF THE LEGENDARY PART OF THE LITHUANIAN CHRONICLES

N. Mоговова

Summary

The article is devoted to the analysis of the structure of legendary part of Lithuanian Chronicles and the Tale of Bygone Years. The comparison of the texts of the Lithuanian and Old Russian Chronicles shows that Lithuanian chronicle is standing in close relation to the Old Russian one. In general we can say that Old Russian Chronicle (The Tale of Bygone Years) was the structural and literary model to the legendary part of the Lithuanian Chronicles.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрья – Александрья / Складальнік У.В. Анічэнка. Мінск: Выдавецтва Акадэміі Наук Беларускай ССР, 1962.
- Еремін, 1966 – Еремін И.П. Литература древней Руси. М.-Л.: Наука, 1966.
- ПВЛ – Повесть временных лет / Под ред. В.П. Андриановой-Перетц, М.-Л.: Из-во АН СССР, 1950, ч. I.
- ПСРЛ, т. 22-2 – Полное собрание русских летописей. Петроград, 1914, т. 22, ч. 2.
- ПСРЛ, т. 35 – Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1980, т. 35.
- Сушицкий, 1930 – Сушицкий Г. Західньо-руські літописи як пам'ятки літаратури. Київ: З друкарні Всеукраїнської Академії наук, 1930.
- Улащик, 1965 – Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М.: Наука, 1985.
- Чемерицкий, 1982 – Чамярыцкі В.А., Коршунаў А.Ф., Лойка А.А. Традыцыі літаратуры старажытнай Русі ў беларускай літаратуры. Мінск: Навука і тэхніка, 1982.
- Шайкин, 1989 – Шайкин А.А. „Сє повєсти времяных лєт...“ от Кия до Монамаха. М.: Современник, 1989.
- Długos, 1968 – Długos Jana. Dziejów Polakii księg dwanaście / Przekład K. Mecherzyńskiego. Warszawa, 1968, t. 3, ka. IX-X.
- Jakubovakis, 1921 – Jakubovakis J. Tautiniai santykiai Lietuvoje ligi Liublino unijos. V.: Vilnius, 1921.
- Jučas, 1968 – Jučas M. Lietuvos metraščiai. V.: Vaga, 1968.
- Zachara-Wawrzyniuk, 1963 – Maria Zachara-Wawrzyniuk. Genesa legendy o rzymskim pochodzeniu Litwinów. // Zeszyty historyczne. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1963, t. III, s. 5-36.

Вильнюсский университет
Кафедра славянской филологии

Октябрь 1991